

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОДСИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ XXI ВЕКА

THE MIDDLE EASTERN SUBSYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE 20S OF THE 21ST CENTURY

© 2023 **Дмитрий Сергеевич Поляков**

магистрант Восточного факультета, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия; dm.polyakov9@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-5220-2841

Dmitry S. Polyakov

Master's Student of the Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia; dm.polyakov9@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-5220-2841

Актуальность темы предложенного исследования обусловлена необходимостью анализа положения ближневосточной подсистемы международных отношений в период дезорганизации глобальной системы международных отношений. Рассматривая Ближний Восток как систему, необходимо понять, что является элементами этой системы, как они взаимодействуют между собой, а также что является внешней средой для ближневосточной системы и как она воздействует на ее развитие. Анализ перечисленных факторов необходим для понимания того, какова основа, позволяющая ближневосточной системе международных отношений вступать в период глобальной трансформации. По итогам исследования автор приходит к выводу, что Ближний Восток теряет свое значение в мировой политике. Возможной перспективой является занятие срединного положения между новым мирополитическим центром — Азиатско-Тихоокеанским регионом и утратившей свое глобальное значение Европой. Снижающаяся роль коллективного Запада и усиление альтернативных центров силы вынуждают ближневосточные страны менять свою политику. Складывающееся положение позволяет государствам региона отойти от прин-

ципа союзничества, от ориентации на одну страну, и выбрать путь многовекторной политики. Кроме этого, в нынешнем десятилетии фактор внешней среды также будет определять вектор развития ближневосточной системы, но сама роль внешнего детерминанта во внутренних процессах будет значительно снижаться.

Ключевые слова: Ближний Восток, система, система международных отношений, региональная система международных отношений, многополярность

Для цитирования: Поляков Д. С. Ближневосточная подсистема международных отношений в двадцатые годы XXI века. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 1. С. 48–62. DOI 10.18254/S268684310025306-4

The relevance of the research topic is due to the need to analyze the situation of the Middle Eastern subsystem of international relations during the disorganization of the Global system of international relations. Considering the Middle East as a system, it is necessary to understand what the elements of the system are, how they interact with each other, what is the environment for the Middle East system and how it affects the development of the system. The analysis of these factors is necessary to understand with which basis the Middle Eastern system of international relations enters a period of global transformation. According to the results, the author makes the conclusion that the Middle East is losing its importance in world politics. A possible prospect is to occupy a middle position between the new world-political center — the Asia-Pacific region, and Europe, which has lost its global significance. The declining role of the collective West and the strengthening of alternative centers of power are forcing Middle Eastern countries to change their policies. The emerging situation allows the states of the region to move away from the principle of alliance, from focusing on one country, and choose the path of a multi-vector policy. In addition, in the current decade, the factor of the external environment will also determine the vector of development of the Middle Eastern system, but the role of the external determinant in internal processes will be significantly reduced.

Keywords: Middle East, system, system of international relations, regional system of international relations, multipolarity

For citation: Polyakov Dmitry S. The Middle Eastern Subsystem of International Relations in the 20s of the 21st Century. *Oriental Courier*. 2023. No. 1. Pp. 48–62. DOI: 10.18254/S268684310025306-4

Трансформация глобальной системы международных отношений, ее текущее состояние дезорганизации, снижение значимости нынешнего центра силы и усиление альтернативных полюсов — все это актуализирует вопрос будущего положения элементов системы — региональных подсистем международных отношений в мирополитических процессах. Для анализа сложившейся ситуации необходимо понимать, с каким базисом региональная система вступает в период глобальной трансформации. Поставленный вопрос актуален и для ближневосточной системы. Необходимо определить актуальные вызовы для системы, ее

положение в конфронтации между формирующимися центрами силы, а также зависимость от внешней среды и ее влияние на региональные политические, социальные и экономические процессы. Перечисленные вопросы уже поднимались среди отечественных исследователей. Стоит отметить работы В. Г. Барановского и В. В. Наумкина [Барановский, Наумкин, 2018], И. Д. Звягельской [Звягельская, 2019], В. А. Кузнецова [Кузнецов, 2019], А. Б. Подцероба [Подцероб, 2011], К. М. Труевцева [Труевцев, 2020] и А. И. Яковлева [Яковлев, 2020]. Именно с опорой на упомянутые работы будет выстраиваться наше исследование.

ПОНЯТИЕ «СИСТЕМА»

Прежде чем перейти к анализу состояния ближневосточной системы международных отношений в 20-е гг. XXI в., необходимо остановиться на теоретическом аспекте, дать определение понятию «система», а также понятию «система международных отношений». Система — совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой, и в силу взаимообусловленности и взаимозависимости, образующих определенную целостность и единство [Берталанфи, 1973, с. 29]. Целое системы больше суммы ее частей. Система характерна неразрывным единством со средой, во взаимоотношениях с которой она проявляет свою целостность, реагируя на внешние вызовы. Среда — это то, что влияет на систему и с чем она взаимодействует. Различают два вида среды: внешняя среда (окружение системы) и внутренняя среда (контекст) [Цыганков, 2003, с. 169].

В системе также существует зависимость каждого элемента от его места, связей и функций внутри системы. Элементы — составные части системы [Цыганков, 2003, с. 168]. Каждый компонент системы может также рассматриваться как система, а поскольку она существует в рамках более общей системы, то ее можно называть подсистемой. Важно, что поддержание системы происходит не за счет поддержания ядра, а за счет функционирования элементов системы.

Целостное функционирование системы оказывается результатом взаимодействия всех ее сторон, элементов и уровней. В стационарном состоянии политическая и социально-экономическая система находится в подвижном равновесии, в котором ее элементы остаются неизменными, но в то же время непрерывно продолжают связи внутри системы и ее связи с внешней средой. Постоянные контакты и связи с внешней средой поддерживают динамичность и открытость системы.

Для сложных социальных систем, к которым как раз относится система международных отношений, характерно существование разных

по уровням и подчас несогласующихся между собой материальных и нематериальных символических целей, в ходе достижения которых возникает конфликт внутри системы. В рамках внутренних процессов систем происходит как консолидация ее частей и элементов, так и их фрагментация. Центростремительные, центробежные процессы могут порождаться различными силами внутри и вне системы. Границы системы изменяются в ходе ее развития. Многое зависит от способности центра системы верно определить цели и пути достижения; контролировать и управлять всеми компонентами системы в их непротиворечивом взаимодействии; использовать, в случае необходимости, принуждение или уступки; следовать принципу холизации, сохраняя целостность системы; удерживать ее части от выхода за рамки системы.

В сфере международных отношений понятие системы используется очень часто, однако единого определения этого понятия не существует. Для нашего исследования возможно использовать следующее определение: «Система международных отношений — отношения глобальной взаимной зависимости субъектов международных отношений, когда действия и международный статус государства зависят от действий всех остальных и образуют международный порядок» [Ивонина, 2018, с. 26]. В зависимости от пространственно-географических характеристик выделяют, например, глобальную систему международных отношений (ГСМО). Несмотря на целостность глобальной международной системы, в ней неизбежны разрывы. Например, ряд международных взаимодействий осуществляется автономно. Именно это является следствием существования региональных систем — «совокупности специфических взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая принадлежность» [Цыганков, 2003, с. 179].

Как отмечает В. Г. Барановский: «развитие современной системы международных отношений происходит через возникновение и “распутывание” разнообразных узлов, образующихся

на пересечении экономики и политики. Именно так формируются новые проблемные поля, равно как и новые линии кооперативных или конкурентных взаимоотношений на международной арене» [Барановский, 2021, с. 32].

Региональные подсистемы международных отношений (МО) остаются частью глобальной системы, повергаясь ее воздействию в форме влияния глобальных держав. В частности, это касается и ближневосточной системы международных отношений (БВСМО). Для БВСМО внешней средой является как сама Глобальная СМО, так и ее элементы в виде иных региональных СМО, постоянно оказывающих воздействие на ближневосточную систему. Элементы БВСМО — государства Ближнего Востока. Учитывая вышеуказанное положение о том, что поддержание системы происходит не за счет поддержания ядра¹, а за счет функционирования элементов системы, можно заявить, что ключевую роль в БВСМО играют как раз ближневосточные государства. Более того, мы рассматриваем БВСМО как материальную и социальную, динамичную и открытую систему.

Нынешнее состояние Глобальной системы международных отношений

Необходимо отметить, что БВСМО развивается не в вакууме. Ключевое воздействие на нее оказывает внешняя среда — то есть ГСМО. Таким образом, определяя развитие Ближневосточной системы международных отношений в 20-е гг. XXI в., необходимо остановиться на ключевых процессах, происходящих в глобальной системе МО, которые во многом влияют и на БВСМО.

Нынешнее состояние глобальной СМО можно охарактеризовать как кризисное. Уникальность текущего кризиса состоит в том, что он сочетает в себе набор дестабилизирующих явле-

ний международной жизни — начало циклической экономической рецессии, распространение пандемии COVID-19, осложнение военно-политической обстановки в ряде ключевых регионов планеты, обострение американо-китайской конфронтации и становление асимметричной биполярности в Европе.

Текущий кризис можно назвать системным, потому как он затронул ключевой набор параметров ГСМО, включив экономическое, политическое, военно-стратегическое и даже эпидемиологическое измерения мировой политики. Масштаб кризиса, имеющего многолетние корни, все четче проявляется с каждым годом. Стремительная глобальная трансформация, драйвером которой выступает именно текущий кризис, особенно отразится на социальных страдах и приведет к усилению социальных дисбалансов. Хотя упомянутый процесс является повсеместным, его эффект будет разным для каждой региональной СМО.

Вероятным последствием социально-экономического кризиса может стать глобальная дезорганизация. Этот фактор напрямую связан с формированием нового мироустройства. Старый миропорядок не разрушается в одночасье, а новый не формируется за один день. Соответственно, именно в переходный период наступает максимальная разбалансированность международно-политической системы.

Начиная с 2014–2015 гг. обозначились тенденции глобальной плюрализации. На макроуровне прослеживается переход от однополярного мира к многополярному. Это весьма показательная характеристика состояния международной системы, свидетельство ее волатильности и «нежесткости». Структуризация отдельных ее фрагментов не задана наперед: она может меняться под воздействием самых разнообразных факторов [Барановский, 2021, с. 20].

Нет единого мнения насчет складывающихся мирowych центров силы. По мнению пред-

¹ В нашем случае мы рассматриваем БВСМО как неиерархическую систему, где ядра может и не быть. Подробнее: Круглый стол «Система международных отношений на Ближнем Востоке». *Институт Востоковедения РАН*. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vcd0XLwBBkU> (accessed 09.03.2022).

седателя Комитета начальников штабов Вооруженных сил США генерала Марка Милли в системе международных отношений теперь формируются три центра силы — Россия, Китай и США². К указанной тройке стран также добавляют и Индию. Совокупный военный, политический, экономический и технологический потенциал этих государств надежно удерживает за ними международное лидерство в плане использования совокупной мощи для достижения политически значимых целей³.

Трансформация международно-политической системы находится на начальной стадии, но уже можно определить ее первичные контуры:

— Центр мировой политики смещается в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона / Индо-Тихоокеанского региона. Именно в этом ареале находятся самые быстроразвивающиеся государства с растущими рынками, высокой динамикой хозяйственного роста и большим человеческим капиталом;

— Трансформация международной системы происходит по таким направлениям, как: выстраивание нового баланса сил на глобальном и региональных уровнях и взаимодействие центра с периферией по широкому кругу вопросов (ресурсы, технологии, безопасность и т. д.). Сложная динамика отношений внутри региональных СМО вдобавок к разбалансированности ГСМО, вероятно, станет главным вызовом для общей мировой устойчивости.

Основными драйверами развития миро-политической ситуации являются две фактора: попытка США сохранить статус глобального лидера, и попытка альтернативных гегемону сил сформировать собственные полюса.

В этих двух противоречащих друг другу императивах на первый план выходит закрепление конкурентной оси «США — Китай». Во многом именно конкурентное противостояние двух стран закрепляет за АТР/ИТР положение основного мирового региона. Вашингтон перегруппировывает силы и наращивает их в этом регионе. По большей части сокращение численности вооруженных сил США на Ближнем Востоке и вывод войск из Афганистана происходят в рамках этой политики. Соединенные Штаты институализируют региональное сотрудничество: создание трехстороннего соглашения «AUKUS», Четырехстороннего диалога по вопросам безопасности «Quad» и разведывательного альянса «Пять глаз» — все это также отражение политики по усилению позиций в регионе.

Негативным последствием создания союзнических платформ в АТР/ИТР становится эрозия традиционных «атлантистских» институтов, например НАТО. Хотя Европа как центр мировой политики уступает свое значение Азии⁴ [Барановский, 2021, с. 27], Соединенным Штатам все еще необходима поддержка стран европейского континента, чтобы ослабить Москву, как одного из ключевых партнеров Пекина, так и для того, чтобы Китай не смог занять европейский рынок. Во многом, именно специальная военная операция России на Украине позволила консолидировать страны-члены НАТО на общей угрозе и завязать государство ЕС на американских технологиях. Таким образом, в Европе образовывается асимметричная биполярность: Россия и Беларусь (с непонятным будущим статусом Украины) vs государства-члены НАТО и ЕС.

2 Пентагон: Россия, Китай и США стали тремя центрами силы. *Коммерсант*. 2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5062662> (accessed 04.03.2022).

3 Сушенцов А. Нам нужно поговорить: необходимость четырехстороннего диалога России, США, Китая и Индии. *Международный дискуссионный клуб Валдай*. 2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nam-nuzhno-pogovorit/> (accessed 04.03.2022).

4 Центр тяжести ГСМО смещается в направлении Восток/Азия. Именно в этом ареале находятся самые мощные и энергично развивающиеся из новых центров влияния. Именно сюда переключается внимание глобальных экономических акторов, которых привлекают растущие рынки, динамика хозяйственного роста, рост человеческого капитала.

Обозначив основные тренды, происходящие в глобальной системе международных отношений, можно оценить значение и воздействие внешней среды на ближневосточную подсистему.

Состояние Ближневосточной СМО

Чтобы проанализировать вызовы, стоящие перед ближневосточной подсистемой, необходимо определить базис, который имеет под собой нынешняя БВСМО. Второе десятилетие XXI в. началось на Ближнем Востоке с череды внутренних конфликтов в арабских странах, быстро превратившихся в конфликты региональные. Это повлекло за собой вмешательство внешних акторов, в том числе, мировых и региональных держав [Яковлев, 2020, с. 120]. Второе десятилетие ознаменовало собой период нарастания кризиса политических режимов и роста социальной напряженности. Глубинных трансформаций не произошло, но сама система изменилась за этот отрезок времени.

Вызовы нынешнего десятилетия строятся на фундаменте прошлого. Однако меняться ближневосточная система в 20-е гг. будет под совокупным воздействием процессов как внешних, так и внутренних. Именно поэтому стоит остановиться на нынешнем наполнении БВСМО.

Характерной чертой развития ближневосточной подсистемы стало отсутствие мирового опыта борьбы с вызовами, с которыми столкнулся регион. Как отмечают В. В. Наумкин и В. А. Кузнецов: «Ближний Восток, долгое время находившийся на периферии мир-системы, внезапно превратился в источник новых трендов мирового развития — не только лабораторию мировой политики, но и ее своеобразного трендсеттера» [Наумкин, Кузнецов, 2021, с. 3]. Сюда относятся массовые протестные движения под лозунгами справедливости, возросшая политизация религии, усиление региональных держав, которые по своему влиянию на Ближнем Востоке начинают переигрывать глобальные,

выход на первый план общей повестки секьюритизации с последующим повышением роли силовых функций государства и соответствующих институтов и т. д. — все эти тенденции сформировались в регионе раньше, прежде чем стать общемировыми. Соответственно, регион стал общемировым первопроходцем, стараясь найти адекватные ответы на появившиеся вызовы.

Хотя ближневосточная подсистема первой апробировала многие глобальные вызовы, все же БВСМО во многом не определяет общемировой ход событий, а наоборот зависит от глобальной ситуации. Сильно прослеживается зависимость от внешней конъюнктуры рынка. Ситуация с привязкой экономик к внешним капиталам и внешним рынкам ведет к полной зависимости региональных экономических кризисов от мировой ситуации. Это положение ярче всего проявилось в период пандемии COVID-19. Глобальная рецессия сильнее всего ударила по странам со слаборазвитыми экономиками. Большинство государств Ближнего Востока можно отнести именно к таким. Региональные государства, как и остальные представители стран глобального Юга, в наибольшей степени зависят от четырех источников внешнего финансирования — 1) прямых и портфельных иностранных инвестиций, 2) денежных переводов трудовых мигрантов, 3) поступлений от въездного туризма и 4) программ помощи со стороны частных, государственных и международных доноров. Кризис нанес сильный удар по всем четырем источникам [Кортунов, 2020, с. 11]. Учитывая, что большинство стран БВСМО находятся в состоянии продолжительного социально-экономического кризиса, фактор глобальной рецессии только усугубляет их положение.

Однако экономические последствия для каждой отдельно взятой страны оказались разными. Неодинаковое воздействие глобального экономического спада обнажает проблему неоднородности экономик арабских стран. Продолжительное время регион двигался в русле догоняющего развития. Деление государств происходило по принципу капиталодофицитных и капитало-

избыточных, нефтеэкспортирующих и нефтеимпортирующих. Отчетливо прослеживалась разница в возможностях материального обеспечения моделей роста и выбранных путей эволюции [*Арабский мир...* 2018, с. 10]. Сложившуюся ситуацию усугубило то, что ряд государств региона сильно пострадали от неэффективной социальной и хозяйственной политики, вдобавок усугубленной вмешательством извне. Такое положение предопределило отсутствие единства у государств региона в экономической сфере. Возникла сильная дифференциация в условиях материального существования. Некоторые страны далеко вырвались вперед от других по экономическому потенциалу. Соответственно, часть государств региона имеют потенциал перехода в более высокий технологический уклад. Особенно сложившаяся ситуация характерна для монархий Залива и неарабских стран региона, например Израиля. Однако упомянутый переход вряд ли возможен для остальных стран Ближнего Востока, особенно для пострадавших от войн государств.

Прямую взаимосвязь с неоднородностью экономик стран региона имеет не только кризис реформ, но и их полное отсутствие. Стоит к этому добавить наличие макроэкономических дисбалансов, повышение уровня безработицы, ухудшение социально-экономического положения, а также развитие и продолжение внутригосударственных кризисов. Причины, породившие «Арабскую весну», никуда не ушли. Протесты 2019 года в Алжире, Ираке, Ливане, Судане (четыре государства были затронуты «Арабской весной» минимально) подтверждают, что «арабская улица» недовольна своими элитами и истеблишментом. К тому же, в регионе отмечаются тенденции как усиления, так и перерождения авторитаризма. Яркий пример — возвращение стран к своим прежним политическим режи-

мам. Предложенная К. М. Труевцевым в середине 2000-х гг. «египетско-тунисская» модель функционирования политической системы опять возвращается в двух североафриканских государствах [Труевцев, 2005, с. 159]. Если в Египте перерождение традиционной модели республиканского авторитаризма заняло короткий период после событий «Арабской весны» — в 2013 г.⁵, то в Тунисе понадобилось более 10 лет, чтобы процесс набрал обороты. Говоря об укреплении позиций авторитаризма, нельзя не упомянуть усиление консервативно-охранительного нарратива. Как отметил В. А. Кузнецов: «ряд государств региона покоятся исключительно на дискурсе безопасности и традиции, подменяя реальное развитие бесконечными разговорами о вот-вот грядущих переменах и об опасностях раскачивания лодки»⁶. Яркий пример — Алжир и Судан. Страны, в которых на волне протеста хотя и поменялись политические фигуры, сам режим остался неизменным.

Еще одним вызовом для ближневосточной СМО является отсутствие единства среди элементов системы, которое выражено наличием огромного числа противоречий. Сюда же можно добавить нехватку региональных интеграционных объединений, способных контролировать политическую и экономическую обстановку в регионе, а также отсутствие схожего уровня участия стран в решении региональных вызовов. Ситуацию с разобщенностью среди элементов БВСМО ярко продемонстрировал К. М. Труевцев: «Магриб теперь еще больше отделен от арабского мира ливийским рвом», указывая на то, что достичь единства среди государств региона станет еще труднее [Труевцев, 2021, с. 66].

Схожей проблемой для большинства стран региона становится снижение уровня жизни населения. Процесс усугубляется следующими причинами: высокая инфляция; повышение цен

5 В 2013 г. в стране произошел военный переворот. Тогда еще министр обороны АРЕ Абдул Фаттах Ас-Сиси объявил о свержении президента Мухаммеда Мурси и о приостановлении действия Конституции.

6 Кузнецов В. А. Дальше от свободы, ближе ль к справедливости? *Российский совет по международным делам (РСМД)*. 2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dalshe-ot-svobody-blizhe-l-k-spravedlivosti/?sphrase_id=43367266 (accessed 06.03.2022).

на продовольствие; снижение государственной социальной поддержки для всех слоев населения и отсутствие эффективных мер постпандемического восстановления для малого и среднего бизнеса; общий рост стоимости жизни, — все это ведет к сокращению среднего класса и массовому обнищанию населения многих государств Ближнего Востока.

Нельзя обойти вниманием эволюцию линий раскола в глубоко разделенных обществах [Наумкин, 2015]. Растущая поляризация сопровождается фрагментацией общества по региональным (иклимия), конфессиональным (таифия), этническим, клановым, племенным и прочим линиям. Процесс параллельно сопровождается кризисом идеологии, вестернизацией и исламизацией.

ПРОБЛЕМА ЛИДЕРСТВА

Разобравшись с наполнением ближневосточной СМО, можно перейти к политическим процессам. Представляется целесообразным разобратся в том, как выглядит ядро в нынешней БВСМО. Поставленный вопрос выводит нас на проблему лидерства.

В отличие от периода до «Арабской весны», сегодня ни одна из арабских стран не может претендовать на лидерство в системе. Зато на доминирующие позиции вышли три неарабские страны — Иран, Турция и Израиль. Интересно, что еще до 2011 г., эти страны воспринимались арабским общественным мнением как чужие. Именно три неарабских государства имеют превосходство в политической, военной, экономической, технологической, демографической и идеологической сферах (по отдельным пунктам некоторые арабские страны могут превосходить, но по всем пунктам вкуче — нет).

Исламская Республика Иран (ИРИ) многократно увеличила свое влияние после «Арабской весны». Тегеран смог эффективно использовать свой накопленный политический, военный

и технологический потенциал. Более того, сверхэффективной оказалась разветвленная сеть военно-политических негосударственных акторов, расположенных по всему региону, координацию между которыми выполняет спецподразделение «аль-Кодс» Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Особенно заметна роль Ирана стала с момента усиления ИГИЛ⁷. Тегеран сумел создать себе образ защитника не только всех шиитов, но и представителей других конфессий от исламистов-такфиристов. В результате «Ось сопротивления» (в проект входят Иран, Ирак, Сирия, Хизбалла в Ливане и ХАМАС в Палестине), носившая до этого момента антисионистский и антиимпериалистический характер, стала еще антитакфиристской. Этот фактор особенно усилил идеологическое преимущество Ирана в регионе. Между тем, ИРИ в зонах своего присутствия в Сирии и Ираке смогла сформировать большое количество милиций, тем самым создавая параллельную систему безопасности. Выстроенные региональные военно-политические коммуникации с опорой на проиранские милиции позволили Ирану проложить сухопутный коридор «Тегеран–Бейрут» к Средиземному морю. К тому же, разрекламировав конъюнктурное сотрудничество с хуситским движением «Ансарулла» до масштабов патрон-клиентских отношений, Исламская республика получила еще один значимый рычаг давления на монархии Залива.

В 2020-е гг. поддержание Ираном своих региональных военно-политических коммуникаций сталкивается с проблемой недостатка финансового ресурса, во многом из-за экономической слабости и санкционных ограничений, а также из-за исчерпания шиитского исламистского дискурса. Антииранские протесты в Ираке в 2019 г. и потеря прежних позиций во внутрииракской политике, в связи с малым ресурсом влияния на формирование нового правительства, продемонстрировали ограничен-

7 Организация запрещена в РФ.

ность претензий Ирана на доминирующие позиции в регионе. К тому же снижение интенсивности региональных конфликтов проявляет все большую автономность региональных клиентов Тегерана, что демонстрируется желанием заниматься собственными внутренними делами, а не строить общий фронт с Ираном. Например, такая тенденция все больше проявляется во взаимоотношениях между Тегераном и Хизбаллой. На сегодняшний день у Хизбаллы превалирует внутриливанская повестка. Если в военно-политической плоскости интересы двух сторон совпадают, то в экономической нет. Для Ирана контроль над частью экономики Ливана носит сугубо вспомогательный характер в привязке к проекту «Оси». Однако Хизбалла полностью вросла в ливанскую экономическую жизнь — она интегрирована в местное общество, имеет свою зону интересов, контролирует теневую торговлю с Сирией через долину Бекаа. Соответственно, возможная потеря доходов в результате авиаударов Израиля заставляет шиитскую партию оглядываться на собственные интересы и ограничивать уровень своих отношений с Ираном.

Вторая неарабская сила на Ближнем Востоке — **Турецкая Республика (ТР)**. Усиление региональных позиций Турции произошло также после «Арабской весны». Накануне событий 2011 г. Турция провозгласила новый принцип своей внешней политики — «ноль проблем с соседями». На первом этапе «Арабской весны» в Тунисе, Египте и Ливии Анкара бездействовала и упустила свой шанс стать основным бенефициаром посткризисного политического процесса. Признав, что внешнеполитический принцип является неадекватным сложившейся конфликтной ситуации, Турция решила интенсифицировать свое участие в региональных кризисах. Постепенно принцип «ноль проблем с соседями» трансформировался в «ноль соседей без проблем». Анкара активизировала свое участие в Сирии, Ираке и в сопредельных с Ближним Востоком регионах — в Восточном Средиземноморье и в Закавказье. Новым

внешнеполитическим принципом со временем стал неоосманизм. Более того, Турция начала выстраивать свою идеологическую концепцию лидерства в исламе.

На нынешнем этапе основная стратегия Турецкой Республики — это включенность во все региональные проекты. С этим связана попытка установить свое доминирование на Ближнем Востоке не только косвенно (через прокси), но и напрямую, создавая сеть военно-политических коммуникаций в регионе. Турция в Сирии сумела поставить под свой контроль всю вооруженную оппозицию, за исключением Сирийских демократических сил, и оккупировать северную и северо-западную часть САР, тем самым получив позиции одного из ключевых игроков сирийского кризиса. В Ливии Анкара сумела вернуть упущенные возможности и стала ведущим внешним союзником сил в Триполитании, а договор о демаркации водных границ с Правительством национального согласия (ПНС) усилил позиции ТР в Восточном Средиземноморье. Посредством военного присутствия в Ираке Турция обеспечивает не только безопасность в приграничных районах, но и активно развивает военно-политические и экономические отношения с правительством Курдского автономного района (снижая таким образом курдскую угрозу). В Катаре Анкара в обмен на финансовую помощь и политическую поддержку обеспечивает безопасность Дохе, а также имеет рычаг влияния в зоне Персидского залива. В Сомали Турецкая Республика проецирует свое влияние в зоне Аденского залива и Красного моря.

В нынешнее десятилетие Турция сталкивается со схожими проблемами, что и Иран. Прежде всего, трудности с поддержанием столь обширных проектов, напрямую связаны с экономической слабостью страны. В этой связи также проявляется проблема растяжения коммуникаций. Второй схожий вызов для Анкары, как и для Тегерана, — это исчерпание потенциала исламистского дискурса.

На сегодняшний день Турция во многом вышла на пик своих возможностей. Региональные

претензии Турецкой Республики подвергаются серьезным испытаниям. Вместе с зоной влияния Анкара создала очаги напряжения по всей линии своих границ, а вместе с попыткой включиться во все региональные конфликты, Турция обострила отношения с большинством стран региона. Все это создает серьезные препятствия будущим усилиям Анкары по наращиванию влияния.

Третья неарабская сила на Ближнем Востоке — **Государство Израиль**. Усиление регионального значения еврейского государства также начинается с 2011 г., только, в отличие от Ирана и Турции, Израиль получил максимальные преимущества от невступления в конфликты, которые разгорелись во всем регионе с началом «Арабской весны». Наличие технологического суверенитета, высокоразвитой и инновационной экономики, одной из самых боеспособных армий на Ближнем Востоке вкупе с одновременным ослаблением арабских стран, выводит Израиль на лидирующие региональные позиции. В результате сирийского конфликта Израиль также увеличил свой вес на Ближнем Востоке. Слабая Сирия сама уже не может представлять угрозу его безопасности. Кроме того, сирийский конфликт привел к глубокому расколу среди палестинцев и маргинализации палестинского фактора в целом [Труевцев, 2021, с. 65]. За исключением Ирана, у еврейского государства не осталось ни одного регионального соперника, готового идти на прямую конфронтацию.

Особенно эффективными стали политические достижения страны. Произошла трансформация Израиля из западного государства, цивилизационно чуждого региону, в уже полноценного члена Ближнего Востока. Органическое вхождение Израиля в ткань Ближнего Востока несет колоссальные возможности как для самой страны, так и для всего региона в целом. «Соглашения Авраама» позволили еврейскому государству расширить свое взаимодействие с арабскими странами, прежде всего за счет установления политических отношений с ОАЭ, Бахрейном, Марокко и Суданом. Эти соглашения не только снизили уровень угроз Израилю, но

и предоставили возможность совместить высокоуровневые израильские технологии с финансовым ресурсом арабских стран. Учитывая уже имеющиеся отношения еврейского государства с Египтом и Иорданией, Израиль все больше интегрируется в общую ткань региона. Кроме того, он все активнее развивает неформальные отношения с монархиями Залива. Это особенно заметно на йеменском и ливийском треках. Соответственно, упомянутый фактор может стать эффективным базисом будущих политических отношений.

Среди основных вызовов, с которыми сталкивается Израиль в нынешнее десятилетие, стоит отметить обоюдное давление на страну двух ключевых неарабских акторов — Ирана и Турции. Второй ключевой вызов — неурегулированный палестинский вопрос, который вспыхивает постоянно и дестабилизирует внутреннюю ситуацию в Израиле.

Как уже было отмечено, среди арабских государств нет ни одной страны, которая могла бы претендовать на доминирующую роль. Ни одно государство не обладает совокупным политическим, экономическим, военным и идеологическим потенциалом, чтобы взять на себя эту роль. Самым вероятным претендентом на роль регионального лидера от арабских стран могла бы стать **Саудовская Аравия**. Особенно активно КСА предъявляла претензии на лидерство в регионе на заре «Арабской весны», но недиверсифицированная ресурсная экономика, отсутствие технологического суверенитета, слабый военный потенциал, несмотря на высокие военные расходы, зависимость в сфере безопасности от США вкупе с утратой идеологического лидерства и политическими просчетами не позволяют Королевству лидировать на Ближнем Востоке. Кроме того, политические поражения больше всего отражаются на региональном положении Эр-Рияда. Именно они несут не только ослабление регионального влияния, но и наносят прямой экономический и репутационный урон, а в случае с Йеменом страна несет также военные потери.

Еще одна страна, утратившая свои региональные позиции, — Египет. Еще до «Арабской весны» АРЕ перестал быть идеологическим лидером региона в связи со снижением значения арабского национализма. После революции (2011 г.) и военного переворота (2013 г.) Каир на несколько лет погрузился в свои внутренние проблемы и не принимал участие в решении региональных вопросов. Попыткой заявить о себе стало участие в ливийском внутреннем интернационализированном вооруженном конфликте (в финальной его части 2018–2020 гг.), где Египет продемонстрировал ограниченность ресурсов и не достиг желаемых целей⁸.

АРЕ, при всем своем военном превосходстве среди арабских стран и достаточно неплохой технологической базе, имеет массу проблем: слабое финансово-экономическое положение; наличие ситуации на грани демографического коллапса вкупе с «молодежным бугром»; ежегодный рост социальных расходов; дефицит ресурсов. Все это ограничивает потенциал Египта в конкуренции за региональное лидерство.

В отличие от упомянутых арабских стран, которые растеряли свое региональное влияние, ОАЭ, наоборот, усиливаются очень быстро, но пока не дотягивают до позиции одного из региональных лидеров. Объединенные Арабские Эмираты с середины 2010-х гг. — самостоятельный актер в военно-политической и экономической сферах. Абу-Даби действуют довольно независимо в Йемене, зачастую в противовес Эр-Рияду. Эмираты укрепляют свои позиции в Ливии, являясь одним из ключевых игроков в Киренаике, а также проецируют свое присутствие в Сахеле и на Африканском Роге. Среди основных преимуществ ОАЭ стоит выделить избыточность капитала, доступ к энергоресурсам и развитый IT-сектор. Среди ключевых вы-

зовов стоит выделить: дефицит населения, нехватка местных специалистов и зависимость от США в сфере безопасности.

Одна из проблем отстающего положения арабских стран — это отсутствие единства среди них. Интеграционные процессы не развиваются. Даже в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) проявляется хрупкость связей. Однако сплоченности можно достичь при наличии единой региональной экзистенциальной угрозы. Если раньше арабская сплоченность достигалась на антиизраильской почве, то теперь ее можно достичь на антииранской. Существование Израиля больше не несет единую угрозу, особенно после подписания «Соглашений Авраама». Зато усиление Ирана в Ираке, Сирии, Ливане, Палестине, сотрудничество Тегерана с «Ансарулла» в Йемене, а также фактор шиитского населения в Бахрейне и в Восточной провинции КСА, создают в виде ИРИ мощный консолидирующий фактор для арабских стран. Причем, данный фактор может сработать в пользу развития дальнейшего сотрудничества Израиля с арабским миром.

Помимо иранского, турецкий фактор также вызывает озабоченность среди арабских стран и Израиля, а, соответственно, способствует их сближению. Так, например, на встрече глав разведок Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта и Израиля, представители четырех стран подтвердили, что главная угроза исходит не от Ирана, а от Турции⁹. Надо отметить, что намного больше региональных стран согласны с турецкой угрозой и опасаются именно Анкару, нежели Тегеран. Соответственно, ситуативное комбинирование антииранского и антитурецкого нарративов может в дальнейшем сплотить арабские страны между собой и с Израилем, обеспечивая тем самым более сильные позиции в регионе.

8 Лукьянов Г., Мамедов Р. Игра в бирюльки на ливийском поле — 2. *Российский совет по международным делам (РСМД)*. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/igra-v-biryulki-na-liviyskom-pole-2/> (accessed 06.03.2022).

9 Revealed: How Gulf States Hatched Plan with Israel to Rehabilitate Assad. *Middle East Eye*. 2019. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/revealed-how-gulf-states-hatched-plan-israel-rehabilitate-assad> (accessed 09.03.2022).

Положение Ближневосточной СМО в Глобальной СМО

Проанализировав внутреннее наполнение Ближневосточной СМО, теперь можно оценить ее положение в Глобальной СМО. Уже на нынешнем этапе государства Ближнего Востока не могут не принимать во внимание переход всей ГСМО в новое качество — многополярный мир, а вместе с этим и тот факт, что происходит формирование альтернативного центра силы — не Запада или Мирового большинства [Караганов, 2022], который еще не обрел своей формы, но уже проявляются его лидеры — Россия, Китай, Индия. В связи с этим для стран Ближнего Востока становится возможным не только играть на противоречиях различных центров силы, но и усиливать за счет этого свою региональную систему.

Стоит обратить внимание на ключевую тенденцию последних лет, которая, вероятно, будет только развиваться в нынешнее десятилетие — ближневосточные государства стараются не втягиваться в глобальное противостояние между новыми центрами силы, стараясь сохранить взаимовыгодные отношения со всеми сторонами. Более того, некоторые государства, ранее ориентированные только на один центр силы, отходят от этой политики и дрейфуют в сторону многосторонних отношений, сохраняя пространство для маневра. Об этом, например, свидетельствуют действия традиционных союзников США в регионе, которые отказались выступать против России в связи с проведением военной спецоперации на Украине. Соответственно, сам принцип союзничества становится сугубо прагматичным. И. Д. Звягельская отмечает, что на Ближнем Востоке отсутствует глобальная конкуренция, которая прослеживается в других местах. Сегодня в регионе не проведены четкие границы сфер влияния¹⁰. Все это позволяет ближневосточным странам ситуативно вступать в отношения с разными междунаро-

ными державами. Более того, такая политика перестала вызывать раздражение у нерегинальных сил.

Параллельно с этим происходит другой процесс, связанный с размыванием союзничества — внешние акторы стали снижать свои обязательства перед региональными реципиентами, опасаясь, что вложенные разного рода инвестиции могут пропасть, а союзник может обратиться к другому актору за внешней помощью. Кроме того, внешние силы демонстрируют свой отказ участвовать во внутререгиональных ссорах между странами, особенно если эти ссоры происходят между лидерами региона. Упомянутый процесс ведет к вакууму безопасности. Государства Ближнего Востока все чаще будут обращаться к внешним провайдером безопасности. Кроме того, необязательно, что роль провайдера будет выполнять государство извне БВСМО. Вполне возможно эти функции на себя возложат именно региональные лидеры.

Перспективы БВСМО в 2020-е годы

Если Азиатско-Тихоокеанский регион становится центром мировой политики XXI века, то Европа, скорее всего, осталась центральным регионом XX века. В таком случае перед нами возникает вопрос — сможет ли Ближний Восток сохранить свою значимость в нынешнем столетии, которую имел на рубеже XX и XXI вв., или же пойдет по стопам Европы? С каждым годом становится все заметнее, что Ближний Восток теряет свою значимость в глобальной системе международных отношений. В нынешнее десятилетие перед регионом стоит задача не только сохранить, но и увеличить свою субъектность.

Вполне вероятно, что Ближний Восток займет срединное положение, равное своему географическому, между Европой и Азией. Причем региональная ориентация в большей степени будет разделена по субрегионам. Складывающаяся

10 Круглый стол «Система международных отношений на Ближнем Востоке». *Институт Востоковедения РАН*. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vcd0XLwBBkU> (accessed 09.03.2022).

ситуация напрямую связана с уже упомянутым отсутствием единства среди элементов БВСМО. Субрегион Магриб остается частью Средиземноморского пространства. Вектор ориентации стран будет все также направлен на Южную и Западную Европу. Левант находится в положении между двумя ключевыми региональными акторами — Ираном и Турцией, и влияние этих государств на состояние субрегиона будет сохраняться. Более того, Анкара и Тегеран значительно расширяют левантскую зону, связывая ее с Восточным Средиземноморьем и Закавказьем. Важно, что историческая связанность со Средиземноморьем позволяет Леванту также сохранять связи с Европой. Вероятно, субрегион Персидского залива будет все больше дрейфовать в сторону АТР/ИТР, связывая свои ресурсы и капитал с азиатской промышленностью. Это обстоятельство больше всего приблизит страны Залива к центру мировой политики. Между тем, фактор сотрудничества аравийских монархий с Египтом и интенсификация контактов с Израилем обеспечивает государствам Залива выход в Восточное Средиземноморье и сохранение контактов с Европой.

Параллельно с этим, воздействие внешней среды окажет эффект на положение БВСМО в ГСМО. Европейские страны начали интенсифицировать сотрудничество с государствами Ближнего Востока, пытаясь диверсифицировать поставки энергоносителей из России. Сама Россия может выступить тем самым провайдером безопасности взамен на арабский капитал, а рынки Ближнего Востока могут стать альтернативой для Москвы в условиях санкционных ограничений. Более того, регион становится «окном» в мир для Москвы¹¹. Страны Азии, нуждающиеся в энергоресурсах и внешнем капитале, могут начать еще больше взаимодействовать с Ближним Востоком. По всей видимости, произойдет также усиление роли стран АТР/

ИТР в формировании региональной архитектуры безопасности.

Заметно, что Ближневосточная СМО не стоит на месте, постоянно реагируя на вызовы среды. В нынешнем десятилетии фактор среды также будет определять вектор развития, но сама роль внешнего детерминанта во внутренних процессах будет значительно снижаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

Арабский мир и экономические вызовы. Многоликая реальность. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 11. Отв. ред. А. О. Филоник, ред. Л. Н. Руденко, З. А. Соловьева. М.: ИВ РАН, 2018. 212 с. [*The Arab World and Economic Challenges. A Multifaceted Reality. Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Issue 11. Ed. by A. O. Filonik, L. N. Rudenko, Z. A. Solovyova. Moscow: IOS RAS, 2018. 212 p. (in Russian)*].

Барановский В. Г. *Международный ландшафт: эпоха перемен. Избранная аналитика.* М: Весь Мир, ИМЭМО РАН, 2021. 720 с. [*Baranovsky V. G. International Landscape: The Era of Change. Selected Analytics. Moscow: Ves' Mir, IMEMO RAS, 2021. 720 p. (in Russian)*].

Барановский В. Г., Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития. *Мировая экономика и международные отношения.* 2018. Т. 62. № 3. С. 5–19 [Baranovsky V. G., Naumkin V. V. The Middle East in a Changing Global Context: Key Trends of Centennial Development. *World Economy and International Relations.* 2018. Vol. 62. No. 3. Pp. 5–19 (in Russian)].

Берталанфи Л. фон. История и статус общей теории систем. *Системные исследования.* М.: Наука, 1973. С. 20–38 [Bertalanfi L. von. History and Status of the General Theory of Systems. *System Research.* Moscow: Nauka, 1973. Pp. 20–38 (in Russian)].

11 Поляков Д. Прагматика со вкусом нефти: сделка ОПЕК+ как иллюстрация арабской политики балансирования. *Российский совет по международным делам (РСМД).* 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/oilandgastoday/pragmatika-so-vkusom-nefti-sdelka-opek-kak-illyustratsiya-arabskoy-politiki-balansirovaniya/> (accessed 10.11.2022).

Звягельская И. Д. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке. *Полис. Политические исследования*. 2019. № 1. С. 105–123 [Zvyagelskaya I. D. Symbols and Values in International Relations in the Middle East. *Polis. Political Studies*. 2019. No. 1. Pp. 105–123 (in Russian)].

Ивонина О. И. *Теория международных отношений: учебник для академического бакалавриата*. М.: Юрайт, 2018. 188 с. [Ivonina O. I. *Theory of International Relations: Textbook for Academic Baccalaureate*. Moscow: Youwrite, 2018. 188 p. (in Russian)].

Караганов С. А. От не-Запада к Мировому большинству. *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. № 5. С. 6–18 [Karaganov S. A. From the Non-West to the World Majority. *Russia in Global Politics*. 2022. Vol. 20. No. 5. Pp. 6–18 (in Russian)].

Кортунов А. В. *Кризис миропорядка и глобальный Юг: Доклад Российского совета по международным делам (РСМД)*. Доклад № 59/2020. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2020. 48 с. [Kortunov A. V. *The Crisis of the World Order and the Global South: Report of the Russian International Affairs Council (INF)*. Report No. 59/2020. The Russian Council for International Affairs (RIAC). Moscow: NP RIAC, 2020. 48 p. (in Russian)].

Кузнецов В. А. От Океана до Залива: идентичность одного региона в условиях неомодерна. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2019. Т. 11. № 2. С. 9–38. [Kuznetsov V. A. From the Ocean to the Gulf: The Identity of One Region in Neo-Modern Conditions. *Bulletin of the Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics*. 2019. Vol. 11. No. 2. Pp. 9–38 (in Russian)].

Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство. *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. 2015. № 1. С. 66–96 [Naumkin V. V. Deeply Divided Societies

of the Near and Middle East: Conflict, Violence, External Interference. *Bulletin of the Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics*. 2015. No. 1. Pp. 66–96 (in Russian)].

Наумкин В. В., Кузнецов В. А. *Ближний Восток в поисках утраченного возрождения*. М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2021. 31 с. [Naumkin V. V., Kuznetsov V. A. *The Middle East in Search of the Lost Renaissance*. Moscow: International Discussion Club “Valdai”, 2021. 31 p. (in Russian)].

Подцероб А. Б. Арабские страны в системе международных отношений. *Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 1. С. 76–97 [Podtserob A. B. Arab Countries in the System of International Relations. *Bulletin of the Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics*. 2011. No. 1. Pp. 76–97 (in Russian)].

Труевцев К. М. *Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности*. Отв. ред. В. А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2020. 370 с. [Truevtsev K. M. *Globalization and the Arab World: Before and After Two Waves of Turbulence*. Ed. by V. A. Kuznetsov. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 2020. 370 p. (in Russian)].

Труевцев К. М. Десять лет «арабской весны»: пейзаж после битвы. *Россия в глобальной политике*. 2021. Т. 19. № 5. С. 60–70 [Truevtsev K. M. Ten Years of the “Arab Spring”: Landscape After the Battle. *Russia in Global Politics*. 2021. Vol. 9. No. 5. Pp. 60–70 (in Russian)].

Труевцев К. М. Политические системы арабских стран: между авторитаризмом и демократией. *Россия и мусульманский мир*. 2005. № 11. С. 157–173 [Truevtsev K. M. Political Systems of Arab Countries: Between Authoritarianism and Democracy. *Russia and the Muslim World*. 2005. No. 11. Pp. 157–173 (in Russian)].

Цыганков П. А. *Теория международных отношений: Учеб. пособие*. М.: Гардарики, 2003. 590 с. [Tsygankov P. A. *Theory of International Relations: Textbook*. Moscow: Gardariki, 2003. 590 p. (in Russian)].

Яковлев А. И. Перебалансировка системы международных отношений на Ближнем Востоке в XXI в. *Восток (Oriens)*. 2020. № 2. С. 119–130 [Yakovlev A. I. Rebalancing of the System of International Relations in the Middle East in the 21st Century. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 119–130 (in Russian)].

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ/
ELECTRONIC SOURCES

Круглый стол «Система международных отношений на Ближнем Востоке». *Институт Востоковедения РАН*. 2021 [The Round Table “The System of International Relations in the Middle East”. *Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2021 (in Russian)]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vcd0XLwBBkU> (accessed 09.03.2022).

Лукьянов Г., Мамедов Р. Игра в бирюльки на ливийском поле — 2. *Российский совет по международным делам (РСМД)*. 2020 [Lukyanov G., Mamedov R. Playing Biryulki on the Libyan Field — 2. *The Russian International Affairs Council (RIAC)*. 2020 (in Russian)] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/igra-v-biryulki-na-liviyskom-pole-2/> (accessed 06.03.2022).

Кузнецов В. А. Дальше от свободы, ближе ль к справедливости? *Российский совет по международным делам (РСМД)*. 2020. [Kuznetsov V. A. Further from Freedom, is It Closer to Justice? *The Russian International Affairs Council (RIAC)*. 2020. (in Russian)]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dalshe->

[ot-svobody-blizhe-l-k-spravedlivosti/?sphrase_id=43367266](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dalshe-ot-svobody-blizhe-l-k-spravedlivosti/?sphrase_id=43367266) (accessed 06.03.2022).

Пентагон: Россия, Китай и США стали тремя центрами силы. *Коммерсант*. 2021 [Pentagon: Russia, China and the United States Have Become Three Centers of Power. *Kommersant*. 2021 (in Russian)]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5062662> (accessed 04.03.2022).

Поляков Д. Прагматика со вкусом нефти: сделка ОПЕК+ как иллюстрация арабской политики балансирования. *Российский совет по международным делам (РСМД)*. 2022 [Polyakov D. Pragmatics with a Taste of Oil: the OPEC+ Deal as an Illustration of the Arab Balancing Policy. *Russian International Affairs Council (RIAC)*. 2022. (in Russian)]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/oilandgastoday/pragmatika-so-vkusom-nefti-sdelka-opek-kak-illyustratsiya-arabskoy-politiki-balansirovaniya/> (accessed 10.11.2022).

Сушенцов А. Нам нужно поговорить: необходимость четырехстороннего диалога России, США, Китая и Индии. *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*, 2021 [Sushentsov A. We Need to Talk: The Need for a Quadrilateral Dialogue Between Russia, the USA, China, and India. *International Discussion Club ‘Valdai’*. 2021 (in Russian)]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nam-nuzhno-pogovorit/> (accessed 04.03.2022).

Revealed: How Gulf States Hatched Plan with Israel to Rehabilitate Assad. *Middle East Eye*. 2019. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/revealed-how-gulf-states-hatched-plan-israel-rehabilitate-assad> (accessed 09.03.2022).

